

Капитан Алатристе

Чистая кровь

Испанская ярость

Золото короля

Кавалер в желтом колете

Корсары Леванта

Мост Убийц

АРТУРО ПЕРЕС-РЕВЕРТЕ

Кавалер в желтом колете
Корсары Леванта
Мост Убийц

Санкт-Петербург

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44
П 27

Arturo Pérez-Reverte
EL CABALLERO DEL JUBÓN AMARILLO
Copyright © 2003, Arturo y Carlota Pérez-Reverte
CORSARIOS DE LEVANTE
Copyright © 2006, Arturo y Carlota Pérez-Reverte
EL PUENTE DE LOS ASESINOS
Copyright © 2011, Arturo y Carlota Pérez-Reverte
All rights reserved

Перевод с испанского Александра Богдановского

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Егора Саламашенко

Во внутреннем оформлении книги использованы материалы

© Shutterstock/FOTODOM/Sammy33

ISBN 978-5-389-20052-4

© А. С. Богдановский, перевод, 2006, 2014
© Н. Ю. Ванханен, перевод стихов, 2006, 2014
© И. Б. Полякова, перевод стихов, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

Кавалер в желтом колете

Враги — и многочисленны, и рьяны —
Его объехать тщились по кривой.
Боец изрядный, хоть и рядовой,
Молвой произведен был в капитаны.

Торил ему по свету путь кровавый
Не ведающий жалости клинок...
Попробовал бы он не быть жесток:
Какие времена — такие нравы¹.

¹ Здесь и далее стихи, кроме отмеченных особо, — в переводе А. Богдановского. — *Примеч. ред.*

I
ТЕАТР ДЕ ЛА КРУС

Диего Алатристе не иначе как бес попутал. Вместо того чтобы смотреть в Театре де ла Крус новую пьесу, он дрался на Пуэрта-де-ла-Вега с совершенно незнакомым ему человеком: как зовут — и то неизвестно. На первое представление комедии Тирсо де Молины, о которой много было разговоров в городе и при дворе, устремился весь Мадрид: люди заполнили театр до отказа и выстроились в очередь на улице, готовые пустить друг другу кровь по столь основательному поводу, как кресло в партере или стоячее место, ибо в те времена выхватить шпагу было все равно что перекреститься; тем более что в такой толчее поневоле кого-нибудь толкнешь и тотчас услышишь: «Поосторожней, черт побери, глядите, куда лезете!» — «Я бы посоветовал вам, сударь, самому разуть глаза». Слово за слово, и готово дело. Именно подобный обмен любезностями сделал поединок неизбежным, и Алатристе, проведя двумя пальцами по усам, заметил своему собеседнику: тот вправе давать ему любые советы, но только не здесь, а буквально в двух кварталах отсюда, на Пуэрта-де-ла-Вега, где они смогут выяснить отношения с оружием в руках. Если, конечно, духу хватит. Судя по всему, с присутствием духа у запальчивого молодого человека все обстояло благополучно, и оттого собеседники, не обменявшись более ни единым словом, направились на берег Мансанареса, держась не только рядышком, словно закадычные друзья, но и за рукояти шпаг, которые сейчас, вылетев из ножен и скрестясь, так весело звенели и сверкали в лучах заходящего солнца.

...Капитан удвоил внимание и не без труда отбил первый опасный выпад своего противника. Он злился и досадовал, но больше на себя, а еще больше — на собственную злость. Потому что она — скверное подспорье в таких делах. Когда на кону стоят жизнь или здоровье, фехтование требует полнейшего хладнокровия и некой даже бесчувственности, а злость и досаду затаи в душе, если не хо-

чешь, чтобы вместе с нею вылетели они через треугольную дырочку в колете. Алатристе знал это правило, но ничего не мог с собой поделать. Именно в таком расположении духа вышел он нынче из таверны «У турка»: Каридад Непруха с ходу, едва успев воротиться от мессы, затеяла большой скандал с битьем посуды, вследствие чего капитан удалился, хлопнув дверью, а к началу спектакля опоздал — и именно своему скверному настроению обязан был тем, что лишился возможности, рассуждая здраво и выражаясь учтиво, избежать поединка по столь вздорному поводу. Но теперь уже было поздно, назад не отыграешь. Противник ему попался не из последних — быстрый, увертливый, с хорошо поставленным ударом и явным навыком в таких делах. Он перемежал короткие выпады с искусными финтами, отступал, словно готовясь рубануть шпагой, а на самом деле старался улучшить момент, припасть на левую ногу и ухватить капитанов клинок крючками на эфесе своего кинжала. Старый трюк, однако может привести к успеху, если зорек глаз и рука тверда, но Алатристе, человек опытный и закаленный в подобных переделках, разгадал замысел противника, на уловку эту не поддавался, внимательно следил за его левой рукой, не позволяя ему исполнить хитрое намерение, а сам тем временем выматывал его. Человеку, с которым ему довелось сойтись в бою, немного перевалило за двадцать, он был хорош собой, и что-то неуловимое в облике его подсказывало капитану, что с ним дерется свой брат — вояка, солдатская кость, — хоть и одетый, как принято у молодых и знатных мадридцев: короткие замшевые сапоги, *ропилья* тонкого сукна, хорошие плащ со шляпой, сейчас брошенные наземь, чтоб не мешали. Нет, он молодец — совсем не трус, держится стойко, рот держит на замке и ничуть не фанфаронит. Алатристе не купился на ложный выпад, сместился еще на четверть окружности вправо, так что солнце было теперь в глаза противнику. Будь все проклято! К этой минуте на сцене отыграли не меньше половины первого действия «Садов Хуана Фернандеса».

Пора кончать, решил он, но горячку пороть не надо. Ни горячку, ни брюхо противнику — нечего осложнять себе жизнь убийством среди бела дня. Алатристе сделал вид, что собирается нанести удар вверх, ушел вправо, опустил клинок, защищая корпус, и, стремительно рванувшись вперед, полоснул противника кинжалом по голове. Это против правил, сказал бы любой секундант, но секундантов не было, а была Мария де Кастро, уже вышедшая на сцену Театра де ла Крус, до которого, между прочим, еще шагать два квартала. Какие уж тут фехтовальные изыски! Так или иначе, поединок он выиграл. Юноша побледнел, упал на колени, а из рассе-

ченного виска густо и ярко хлынула кровь. Кинжал он выронил, а на шпагу опирался, пытаясь привстать, но Алатристе, вложив клинок в ножны, подошел вплотную и добрым пинком выбил оружие у него из рук. Подхватил, не дав свалиться навзничь, достал из-за обшлага чистый платок и, как умел, перевязал глубокую царапину.

— Как вы смотрите на то, что я сейчас откланяюсь? — осведомился он.

Но раненый смотрел осоловело и не отвечал. Алатристе, сердито засопев, пояснил:

— Дел много.

Дождавшись наконец слабого кивка, поддержал за плечо, помог приподняться. Из-под платка продолжала струиться кровь, но Алатристе рассудил: скоро уймется, парень молодой и крепкий.

— Сейчас позову кого-нибудь.

Почему-то не получалось плюнуть на все да идти своей дорогой. Он задрал голову к верхушке башни Алькасара, вздымавшейся над крепостными стенами, потом глянул вниз, на Сеговийский мост. Никого. Ни альгвасилов — впрочем, это как раз недурно, — ни прохожих. Ни единой живой души. Весь Мадрид сидит в театре, рукоплещет Тирсо, а он торчит здесь, попусту теряя время. Может быть, нетерпеливо подумал Алатристе, принанять за горстку медяков какого-нибудь разносчика или носильщика — их много, наверное, ошивается у Пуэрта-де-ла-Вега в ожидании приезжих, — и пусть тащит этого малого в гостиницу, к черту или к дьяволу. Куда угодно. Вновь усадил раненого на камень — обломок поваленной стены. Подобрал с земли и протянул ему плащ, шляпу, шпагу, кинжал.

— Ну, что еще я могу для вас сделать?

Тот дышал медленно и прерывисто, и лицо его оставалось меловым. Поднял голову, долго — как видно, все плыло и расплывалось у него перед глазами — смотрел на капитана и проговорил наконец хрипло и слабо:

— Как ваше имя?

Алатристе надел шляпу, предварительно отряхнув ею запыленные сапоги, и ответил неприязненно:

— Вам нет дела до моего имени. А мне — до вашего.

Когда гитары возвестили конец интермедии, мы с доном Франсиско увидели капитана: сняв шляпу, перебросив через руку свернутую епанчу, склонив голову и придерживая шпагу, он пробирался через густую толпу, заполнявшую патио и вообще все поме-

щение театра, причем на каждом шагу приговаривал: «Прошу извинения... Виноват... Простите за беспокойство...» Вот он вышел из-под *касуэлы*¹, приветствовал альгвасила, уплатил шестнадцать мараведи служителю, поднялся по ступенькам и стал пробираться к нам — а мы сидели в первом ряду, у самой балюстрады. Как это он проник в театр: у входа творится сущее светопреставление, к дверям не пробиться, — удивился я, но сразу понял, что капитан решил воспользоваться не главным входом, а задней дверью — именно через нее попадали в театр дамы, — охранявший же ее служитель в кожаном нагруднике, призванном уберечь его от кинжалов тех, кто желал наслаждаться искусством задарма, в миру был помощником аптекаря Фадрике Кривого, закадычного приятеля Диего Алатристе. Так что поход в театр, считая мзду привратнику, плату за вход, за место и благотворительный сбор, облегчил и без того не слишком пухлый кошелек капитана реала на два. Но сегодня давали «Сад Хуана Фернандеса», новую комедию Тирсо. В те времена, вместе с престарелым Лопе де Вегой и юным, но шибко идущим в гору Педро Кальдероном, этот монах ордена мерседарианцев, которого на самом деле звали Габриэлем Тельесом, приносил наибольшие доходы импресарио и артистам, доставлял наслаждение обожающим его зрителям, хотя, конечно, в славе и всенародном признании уступал великому Лопе, парившему в заоблачных высях. Кроме того, расположенный невдалеке от Прадо великолепный мадридский сад, подаривший свое имя комедии и служивший излюбленным местом для прогулок и любовных свиданий, был тогда в большой моде, так что, едва успела появиться на сцене переодетая мужчиной Петронила в сопровождении Томасы в лакейской ливрее, публика начала рукоплескать, не дожидаясь, когда блистательная комедиантка Мария де Кастро произнесет свою первую реплику. И даже так называемые мушкетеры, получившие сие прозвище за то, что, облакая по команде своего верховода Табарки критические отзывы в громовое шиканье, топот и пронзительный свист, являлись на представления в плащах, при шпагах и кинжалах, точно солдаты в караул, — так вот, даже они одобрительно били в ладоши и значительно, как истые ценители, покачивали головами, слушая слова Томасы.

А снискать одобрение мушкетеров — вещь немаловажная. В те времена, когда наравне с корридой театр влек к себе и патрициев,

¹ Места в зрительном зале, отведенные для женщин и духовенства. — *Здесь и далее примеч. переводчика.*

и плееев, одинаково пользуясь у тех и других любовью страстной и пристрастной, даже самые прославленные авторы в прологе старались польстить этой шумной и взыскательной части публики, ибо сказано:

...Вам надобно снискать сперва поддержку тех,
Кто предопределит провал или успех.

Поскольку в тогдашней нашей Испании, яркой и живописной, ни в дурном, ни в хорошем удержу и меры не ведавшей, невежественный лекарь мог, кары не страшась, морить пациентов кровопусканиями, продажный и растленный чиновник — безбоязненно запускать лапу в казну, а вот поэту неточная рифма или вялая интрига не сходила с рук. Казалось порой, что публика предпочитает плохие комедии хорошим, поскольку на вторых можно было лишь сидеть да хлопать, зато первые предоставляли простор для шиканья, гиканья, свиста, топота и заушательских отзывов во всеуслышание: «К черту! Пусть такое туркам показывают!» Распоследний тупица строил из себя знатока, любая дуэнья или дюжая мужеподобная служанка считала себя вправе звенеть ключами, выказывая свое неудовольствие по поводу затянутого монолога. И в театральной зале испанский народ, разъяренный тем, как бездарно им правят, мог вволю и всласть предаваться исконной национальной забаве — совершенно безнаказанно буйствовать и бушевать, вымещать накопившуюся досаду, изливать застоившуюся желчь. Не так ли в свое время поступил и Каин, который родился, само собой разумеется, в Испании, был идалго и старый христианин?

Но я отвлекся. Итак, мой хозяин пробрался к месту, которое мы держали для него до тех пор, пока некий зритель не потребовал, чтобы мы позволили ему сесть, а дон Франсиско, избегая ссоры не по миролюбивому складу характера, но по обстоятельствам времени и образа действия, уступил, предупредив чересчур настырного театрала, что, когда явится законный владелец, придется убраться. Дерзкая формула «там видно будет», которую произнес, усаживаясь, претендент, обрела оттенок боязливого уважения, ибо все и вправду стало видно и очевидно минуту спустя, когда дон Франсиско, пожав плечами, указал выросшему на ступеньках Алатристе на занятое место и тот обратил к пришлецу свой заиндевелый взгляд. Соперник — нетрудно было догадаться, что это разбогатевший простолоудин, поставлявший в столицу лед откуда-нибудь из Фуэнкаррала, и шпага на перевязи пристала ему не более,

чем корове седло, а Иисусу Христу аркебуза, — посмотрел на капитана, оценил пронзительную стынь его глаз, пышные солдатские усы, исцарапанную и выщербленную чашку эфеса, рукоять подвешенного справа кинжала. Без единого слова, безмолвно, как моллюск, он сглотнул, сделал вид, будто желает купить у разносчика стакан воды с медом, и посунулся в сторону, потеснив соседа слева, а капитану предоставив место на скамье во всей его целокупности.

— Соизволили наконец пожаловать, — сказал ему Кеведо.

— Вышла небольшая заминка, — ответил Алатристе, усаживаясь и поудобнее пристраивая шпагу.

От него, как бывало на войне, пахло потом и железом. Дон Франсиско заметил, что рукав его колета чем-то выпачкан.

— Кровь? — спросил он, вздернув брови за стеклами очков.

— Чужая.

Поэт значительно кивнул, отвернулся и промолчал. Ибо сам неоднократно утверждал, что дружба зиждется, помимо совместно выпитого, на умении драться плечом к плечу и промолчать в нужную минуту. Я тоже с некоторой тревогой посматривал на своего хозяина, а он ответил мне успокаивающим взглядом и мелькнувшим под усами слабым подобием улыбки.

— У тебя все в порядке, Иньиго?

— Все, капитан.

— Какова была интермедия?

— Очень хороша. «Попадавай карету» называлась, сочинение Киньонеса де Бенавенте. Мы хохотали до колик.

Но тут смолкли гитары, и разговор прервался. Мушкетеры, как всегда грубые и несдержанные, злобно зашипели, требуя тишины и обводя соседей зверскими взглядами. В касуэлах началось усиленное колыхание вееров, а многозначительное переглядывание с мужчинами, наоборот, прекратилось, разносчики с корзинами и объемистыми кувшинами удалились, а знатные люди вернулись на свои места в ложах, задернутых шторками. В одной из лучших я заметил графа де Гуадальмедину в компании приятелей и нескольких дам — мне было известно, что за эту ложу он платит две тысячи реалов в год, — а по соседству с ним — графа-герцога Гаспара де Гусмана Оливареса со всем семейством. Не хватало только его величества — Филипп Четвертый обожал театр и частенько появлялся тут под маской или инкогнито, — однако он был утомлен недавней поездкой по Арагону и Каталонии, где, кстати, в числе его сопровождавших лиц был и наш дон Франсиско, чья звезда разгоралась все ярче. Кеведо, разумеется, мог бы сидеть в любой

из лож, куда его с радостью пригласили бы наши гранды, но он любил потеряться в гуще народа и предпочитал живой и вольный дух партера, а кроме того, ему доставляло удовольствие ходить в театры в обществе Диего Алатристе. Этот бывший солдат и сущий *эспадачин* был достаточно образован, ибо книг прочел немало и порядочно разбирался как в литературе, так и в театре, и, хотя мнения свои, отличаясь крайней несловоохотливостью, высказывал не раньше, чем спросят, отлично видел все достоинства и пороки комедии, не давал себя обмануть дешевыми трюками, которые иные авторы во имя успеха у непритязательного простонародья использовали чересчур щедро. Это, разумеется, не касалось титанов — Лопе, Тирсо или Кальдерона: ибо, даже когда они прибегали к расхожим приемам, не отмеченным печатью безупречного вкуса, те получались у них совсем иными и отличались от ремесленных поделок, как небо от земли. Сам Лопе владел этим искусством несравненно:

Лишь стоит за комедию мне взяться,
На семь замков я запираю знания
И выношу Теренция и Плавта
Из дома прочь, чтобы немые книги
Своих подсказок не кричали в уши¹.

Это, однако, следует понимать не как покаяние нашего Феникса, но как объяснение того, почему он не желает потрафлять ученым мужам, последователям Аристотеля, которые хоть и бранили его комедии, однако же дали бы отрубить себе руку за право поставить под ними свою подпись, а главное — получать процент со сбора. Впрочем, я отвлекся: в тот вечер играли не Лопе, а Тирсо, что в данном случае не так уж важно. Комедия, относящаяся к разряду «плаща и шпаги», написанная превосходными стихами, с должной глубиной и основательностью изображала тогдашний Мадрид, лживый город — не город, а морок, — гиблое место, куда приходит солдат, желая получить за свою храбрость награду, которая от него уплывает. Порицалось там наше всегданнее презрение к труду и тяга к роскоши — тоже, между прочим, национальный порок, и тогда, и потом неуклонно тянувший нас в пропасть, усугублявший нравственный недуг, который развалил необъятную империю, наследие отважных, непреклонных, жестоковых людей, после восьмисотлетней резни с маврами усвоивших, что терять им нечего, а обрести можно все. Над Испанией 1626 года,

¹ Перевод Н. Ванханен.

к коей относится мой рассказ, солнце еще не заходило, но стояло уже далеко не в зените. А окончательный закат былой славы пришлось мне своими глазами наблюдать семнадцать лет спустя, в долине Рокруа, когда под визг неприятельской картечи я, уже в чине прапорщика вздымая располосованное знамя над последним каре нашей несчастной, нашей стойкой пехоты, в ответ на вопрос французского офицера, сколько людей было в дочиста истребленном полку, сказал: «Считите убитых». Тогда же я закрыл глаза капитану Алатристе.

Но всемоу свой черед. А потому вернемся в Театр де ла Крус, где в тот вечер давали новую комедию Тирсо де Молины, от которой столь многого ожидали и которая стала причиной столпотворения, описанного мною ранее. И вот мы с капитаном и Кеведо смотрели на сцену, где меж тем начался *день второй*¹: из-за кулис вновь появились Петронила и Томаса, предоставив воображению зрителей дорисовать красоты сада, а о том, что это именно сад, скуппо намекала декорация в виде увитой плющом ограды. Краем глаза я видел, как Алатристе подался вперед, облокотился о барьер и орлиный профиль его четко обозначился в снопе света, проникшем через прореху в парусине, натянутой ради того, чтобы предвечернее солнце не слепило зрителей, ибо театр был выстроен на западной вершине холма. Обе комедиантки были чудо как хороши в мужских костюмах, ношение коих на сцене не смогли искоренить ни королевские указы, ни нападки инквизиции, — уж больно по сердцу приходилась сия вольность мадридским зрителям. Когда же в свое время несколько членов Совета Кастилии, чье безмерное фарисейство подхлестнуто было фанатизмом неких клириков, попытались вообще изгнать комедию со сцены, народ воспротивился единодушно и не отдал свою отраду, тем паче что ревнителям нравственности объяснили: часть сборов от каждого представления идет в пользу богоугодных заведений.

Итак, под аплодисменты битком набитого зала появились из-за кулис две женщины в мужском платье, и когда Мария де Кастро, исполнявшая роль Петронилы, подала свою первую реплику:

Поскорее все открой мне,
Места не найду в тревоге... —

мушкетеры, люди, как я уже говорил, взыскательные, в безмолвном одобрении привстали на цыпочки, чтобы лучше видеть, а дамы в ложах прекратили грызть орешки, жевать лаймы и сливы. Ма-

¹ В испанской комедии «золотого века» действия назывались «днями».

рия де Кастро была самой красивой и самой знаменитой комедианткой того времени, и, как ни в ком ином, воплощалась в ней пленительная и странная суть того, что называется «театром», вечно колеблющегося между зеркальным отображением — нужды нет, что зеркало это было порою кривым, — нашей повседневности и сновиденной прелестью самых возвышенных мечтаний. Мария, создание живое и пылкое, была отлично сложена и на лицо хороша как картинка, наделена огромными черными глазами, белейшими зубками, изящно очерченным и соразмерным ртом. Женщины завидовали ее нарядам, красоте и мастерству декламации. Мужчины млели от нее на сцене и домогались ее за кулисами, чему нимало не препятствовал супруг, Рафаэль де Косар, блистательный комедиант и любимец публики, о коем я поведаю вам в надлежащее время, а пока скажу лишь, что, помимо ярчайшего дарования, выказываемого во всех ролях, будь то плутоватый слуга, изящный кабальеро или благородный старик-отец, был он славен еще и тем, что весьма охотно, безо всякой огласки и за приемлемую мзду предоставлял доступ к прелестям четырех или пяти актрис своей труппы: все они были или по крайней мере считались замужем и, следовательно, не нарушали королевских установлений, введенных в действие еще во времена великого нашего государя Филиппа Второго. Сам Косар с обезоруживающим бесстыдством говорил по этому поводу так: «Я впал бы во грех себялюбия и преступил бы завет милосердия, каковое есть важнейшее из добродетелей, если бы не дал наслаждаться искусством тем, кому оно по карману». В сих обстоятельствах законная его жена — впоследствии я узнал, что брак их был фиговым листком, прикрывавшим шашни обоих супругов, — Мария де Кастро, прибегаемая для особых случаев прекрасная арагонка с каштановыми волосами и нежно звенящим голоском, оказалась истинным сокровищем, почище золота инков. Короче говоря, к бесстыжему Косару с полнейшим основанием можно было отнести лукавый стих Лопе:

Супружеская честь — такая цитадель,
Где штурмовой отряд всегда отыщет щель.

Впрочем, отдадим должное Марии де Кастро, тем паче что это имеет отношение к нашей истории, — не всегда во вкусах своих и представлениях руководствовалась она только выгодой, не только алчностью горели порой ее прекрасные глаза. Недаром же говорится: «С одним — для достатка, с другим — чтобы сладко». Вот

в отношении этого «другого» и чтобы прояснить вам, господа, положение вещей, скажу, что Диего Алатристе и комедиантка были знакомы хорошо и близко: скандал, устроенный Каридад Непрухой накануне спектакля, и скверное настроение моего хозяина имели к сей близости самое непосредственное отношение, — и что, когда начался день второй, капитан не сводил пристального взора со сцены; я же поглядывал то на него, то на Марию. Ибо, с одной стороны, тревожился за него, а с другой — огорчился из-за трактирщицы, которую очень любил. Актриса и меня пробиравала до печенок, воскрешая в памяти события трех-четырёхлетней давности, когда я впервые увидел ее в Театре дель Принсипе на представлении «Набережной в Севилье», ознаменовавшемся побоищем в высочайшем присутствии и с участием принца Уэльского и Бекингема — тогда еще не герцога, а маркиза. Ибо если Мария де Кастро и не казалась мне прекраснейшей женщиной на свете — как вам известно, сей титул мною отдан был той, кому не иначе как сам Сатана даровал при рождении синие глаза, — то все же красота актрисы переворачивала мне нутро так же, как и всем лицам мужского пола. Разумеется, я и предполагать тогда не мог, сколь сильно осложнит она жизнь мне и моему хозяину, какие опасности навлечет на нас, — да что мы! даже нашему государю придется в те дни проскользнуть в буквальном смысле по лезвию — не бритвы, так шпаги. Обо всем этом я намереваюсь поведать вам, дабы новое приключение наше доказало: нет такой каверзы, которую ни измыслит дьявол, избрав орудием своим хорошенькую женщину, нет такого безумства, на которое ни подвигнет он мужчину, и такой пропасти, на край которой ни поставит он его.

Между вторым и третьим днями по зычному требованию мушкетеров пропеты были известные куплетцы под названием «Воровка донья Исабель», которыми с большим вдохновением и жаром порадовала нас Хасинта Руэда, малость перезревшая, но все еще аппетитная красотка. Впрочем, насладиться искрометным исполнением мне было не суждено, ибо тотчас же приблизился к нам служитель и сообщил сеньору Диего Алатристе, что его ожидают. Капитан многозначительно переглянулся с доном Франсиско, а куда он вставал и оправлял на левом боку шпагу, поэт неодобрительно покачал головой, примолвив:

Марионеткой не плясав на тонких нитях,
Блажен, кто без страстей сумел прожить,
Трикат блажен, кто смог похоронить их.

Алатристе пожал плечами, взял плащ, надел шляпу, сухо про-
бормотал:

— Не морочьте голову, дон Франсиско, без вас тошно, — и на-
чал протискиваться к выходу. Кеведо же послал мне красноречи-
вый взгляд, и я, правильно истолковав его, двинулся вдогонку хо-
зяину. «Дашь знать, если что пойдет наперекос, — сказали мне
глаза, спрятанные за стеклами круглых очков. — Шпага хорошо,
а две — лучше». В гордом сознании возложенной на меня ответ-
ственности я половчей приладил висевший сзади «кинжал мило-
сердия» и тихой мышкой выскользнул следом за Алатристе, от
всей души уповая, что нам дадут насладиться комедией. Ибо ве-
личайшей низостью было бы портить премьеру славному Тирсо.

Диего Алатристе знал дорогу, ибо шел по ней не впервой. Спу-
стился по ступеням, не доходя до буфета, свернул налево и оказался
в коридоре, который, огибая ложи, вел на сцену и за кулисы. На
лестнице увидел он давнего друга — лейтенанта альгвасилов Мар-
тина Салданью, занятого беседой с содержателем театра и еще дву-
мя знакомыми, принадлежащими к тому же миру. Алатристе на
миг замедлил шаги, здороваясь с ними, и уловил озабоченность
на лице лейтенанта. Двинулся было дальше, но тут Салданья с де-
ланой непринужденностью, будто вспомнив о некоем не слиш-
ком важном дельце, окликнул его, нагнал и, взяв пониже локтя за
руку, прошептал:

— Там — Гонсало Москатель.

— А мне-то что?

— Хотелось бы, чтоб все было тихо.

Алатристе с непроницаемым видом взглянул на него и отве-
тил:

— И ты тоже голову не морочь.

И прошел вперед, покуда Салданья скреб себе бороду, разду-
мывая, в какую компанию зачислил его былой однополчанин. Ша-
гов через десять капитан отодвинул драпировку и оказался в про-
сторном помещении без окон, где хранились расписанные задни-
ки декораций. В глубине же, отделенные занавесками, тянулись
каморки, в которых переодевались и гримировались актрисы;
мужские уборные помещались ниже этажом. В этой же комнате
занятые в спектакле ждали своего выхода на сцену и принимали
поклонников, и в настоящую минуту находилось там человек шесть
комедиантов обоего пола, готовых выйти на сцену, как только Ха-
синта Руэда, чей голос доносился из-за драпировки, допоеет ку-

плет, да трое-четверо кабальеро из тех, кому благодаря богатству или положению в обществе дозволялись такие вольности. Был среди них, понятное дело, и дон Гонсало Москатель.

Поймав на себе взгляд Салданы и, как благодетельный отрок, поклонившись лейтенанту, я скользнул следом за своим хозяином. Черты одного из тех, кто стоял на лестнице вместе с альгвасилом, показались мне знакомыми, но вспомнить, где я его видел, не удалось. Внутрь я не вошел, а прислонился к стене в узком коридорчике, откуда увидел, как капитан и находившиеся в комнате кабальеро сухо раскланялись, не подумав даже снять шляпы, — наверное, чтоб прическу не попортить. Единственный человек, не ответивший на приветствие Алатристе, прозывался дон Гонсало Москатель, и мне пора представить вам эту колоритную личность. Сеньор Москатель казался ожившим персонажем «комедии плаща и шпаги» — рослый, тучный, со зверскими усищами, подвитые кончики коих торчали выше носа, а в облике его в равных долях причудливо перемешивались изысканность и преувеличенная воинственность, каковое сочетание придавало ему смехотворно-свирепый вид. Сами посудите: одет чрезвычайно щеголевато, словно какой-нибудь юный придворный вертопрах, — остроугольный кружевной воротник, темно-лиловый колет со сборчатыми рукавами, с недавних пор вновь вошедшими в моду, французского покроя пелерина, шелковые чулки, черные фетровые башмаки и такая же шляпа с необыкновенно пышным султаном, но при этом на перевязи, сплошь инкрустированной старинными серебряными монетками, висит непомерной длины шпага, какую носят мадридские фанфароны, которые заливчатски крутят усы, на каждом шагу поминают Бога и черта и поминутно лязгают ножнами. Вдобавок дон Гонсало хвастался — без малейших на то оснований — тем, что состоит в дружбе с Гонгорой, и сам кропал стишки, издавая их собственным попечением, благо человек был небедный. Имелся у него лишь один сомышленник и поклонник, а верней сказать — прихлебатель, на всех углах трубивший ему славу, но сей сомнительный виршешлет, писавший, на свою беду, пером, выдернутым, надо полагать, из крыла ангела, некогда явившегося в Содом¹, недавно был сожжен на костре по обвинению в том самом грехе, название коему дал славный библейский городок, так что некому

¹ В Книге Бытия (19) рассказывается, как жители Содома пытались «познать» двух ангелов, которым оказал приют праведник Лот. В наказание за это город был уничтожен «огнем и серой с неба».

было восхвалять дарования Москателя до тех пор, пока некий проходимец, по имени Сатурнино Аполо, — гнуснейший представитель судейского сословия, человечешка липкий, неумеренно льстивый и мутный — намертво не приклеился к нему, заняв место казненного и начав без зазрения совести высасывать из благодетеля деньги. О нем речь впереди. А деньги у дон Гонсало водились, ибо, помимо того что он поставлял в мадридские мясные лавки разнообразную убоину, включая сало свежее и свежепросоленное, ему досталось немалое наследство по смерти жены, отец которой был служителем Фемиды, весьма искусно умевшей скашивать глаз из-под повязки и склонять как раз ту чашу весов, куда золотых накидали больше. Потомством Москатель не обзавелся, но в его доме на улице Мадера воспитывалась сиротка-племянница — барышня на выданье, — которую он стерег почище трехглавого пса Цербера. Сомневаться не приходилось, что рано или поздно заблещет на его колете крест какого-нибудь рыцарского ордена, — в нашей Испании, где не продохнуть от мздоимцев и сребролюбцев, все доступно тому, кто наворовал достаточно, чтобы за это все уплатить.

Краем глаза Алатристе заметил, что Гонсало Москатель пепелит его взглядом, а руку не снимает с эфеса. К несчастью, они были хорошо знакомы, и при каждой встрече взгляды мясника недвусмысленно показывали, какого рода чувства испытывает он к капитану. Все началось месяца два назад, в ночной час, когда с криком «Поберегись!» из окон выплескивают помой и опорожняют урыльники: завернувшийся в плащ и скупое освещенный луной, Алатристе возвращался к себе в таверну, когда на углу улицы Уэртас услышал разговор на повышенных тонах, а подойдя поближе, разглядел две тени. Он не любил лезть не в свое дело и твердо помнил, что «свои собаки грызутся — чужая не приставай», но так уж вышло, что путь его лежал именно в этом направлении, и сворачивать он не собирался. У дверей пререкались двое: мужчина не оставлял намерений пройти в двери, а сильно раздосадованная женщина ему препятствовала. Приятный голосок, отметил капитан. Такой должен принадлежать красивой или, по крайней мере, молодой женщине. И Алатристе замедлил шаги, дабы бросить на нее любопытствующий взгляд. Обнаружив его присутствие, кавалер обратил к нему пожелание «идти своей дорогой и не искать там, где не терял». Предложение было разумное, капитан уж собирался последовать ему, как вдруг дама — или кто она там была — спокойно и очень по-светски произнесла: «Ах боже мой, хоть бы этот господин убедил вас оставить меня в покое и уйти с Богом». Это

меняло дело, и капитан, хоть и понимал, что вступает на скользкий путь, после минутного размышления осведомился у дамы, ее ли это дом. Ее собственный, отвечала она, а этот кабальеро — их с мужем знакомый и дурных намерений не обнаруживает, он проводил ее из гостей, за что ему спасибо, но в столь поздний час каждый, как говорится, сыч на свою оливу летит. Капитан еще немного подивился тому, что супруг этой дамы не появляется в дверях, дабы уладить дело, но в этот миг ее спутник прервал нить его раздумий, порекомендовав — и на этот раз весьма настойчиво и неучтиво — скрыться с глаз долой, а то худо будет. И слышно было, как вылез из ножен клинок: если по звуку судить — примерно так на треть. Это решило дело, а поскольку в такой холодный вечер в самый раз было согреться, Алатристе сдвинулся назад и влево, так чтобы самому оказаться во тьме, а нелюбезному кабальеро — на свету, отстегнул пряжку плаща, обмотал его вокруг левой руки, правой же вытащил шпагу. Обнажил оружие и его противник. Не сближаясь вплотную, обменялись несколькими выпадами, не принесшими успеха ни одному из сражающихся, причем капитан молчал, а неизвестный кабальеро сотрясал воздух божбой. Поднятый шум разбудил слугу, слуга принес фонарь, а следом появился и хозяин дома — в ночной сорочке, колпаке с кисточкой, в шлепанцах на босу ногу, но со шпагой в руке и с возгласами негодования на устах: «Что тут творится? Кого тут черт принес? Кто смеет буяннить на пороге моего дома?» Звучали и иные выражения, но произносились они эдак глумливо и с явной насмешкой. Хозяин оказался человеком весьма приятным и обходительным, с густыми усами, на немецкий манер переходящими в бакенбарды. Поскольку ничьей чести урону нанесено не было, заключили мир. Задиристый кабальеро-полуночник назвался доном Гонсало Москателем, и хозяин — предварительно передав свою длинную шпагу слуге — заверил, что он и вправду друг дома, так что имело место не более чем прискорбное недоразумение. Все это напоминало театральную сцену, и Алатристе совсем уж было собирался расхотаться, как вдруг признал в хозяине знаменитого актера Рафаэля де Косара, славного и своим талантом, и веселым нравом, а в хозяйке — не менее прославленную комедиантку Марию де Кастро. Обоих супругов имел он удовольствие наблюдать на сцене, но никогда еще не видел актрису так близко: стоя в свете фонаря, высоко поднятого слугой, завернувшись в мантилью, она улыбалась, от души позабавленная ночным происшествием, и показалась капитану чрезвычайно привлекательной. И надо полагать, такое случилось с нею не впервые, ибо актрисы издавна считались дамами не

слишком строгих правил, тем более что передавали за верное: муж, побранясь для порядка и помахав длинной, всей Испании известной шпагой, в дальнейшем относился весьма снисходительно к поклонникам и своей жены, и прочих комедианток из труппы, в особенности если поклонники эти — вот как дон Гонсало Москатель, снабжавший мясом весь Мадрид, — оказывались кредитоспособны. Талант талантом, а и Косар, покорствуя общему закону, от того, что само в руки плывет, отказываться не собирался. Оттого, быть может, и на защиту своей чести выступил он с изрядным опозданием. Недаром же говорится:

Мораль актеров, в общем, не строга:
Кто обучился в театральной школе,
Сдаст жену в наем, согласно роли,
С достоинством нося свои рога¹.

Короче говоря, Алатристе намеревался извиниться да отправляться восвояси, предав забвению эту путаницу, когда Мария де Кастро, то ли решив позлить своего воздыхателя, то ли просто начав тонкую и опасную игру, к которой так склонны женщины, в приятных выражениях принялась благодарить капитана за его своевременное вмешательство, неясно поглядывая на него снизу вверх и приглашать его как-нибудь заглянуть в театр, где в те дни доигрывали комедию Рохаса Соррильи. При этом она улыбалась, сверкая белоснежными зубами, которые дон Луис де Гонгора, заклятый враг дона Франсиско де Кеведо, непременно уподобил бы перламутру и мелкому жемчугу. И во взгляде ее Алатристе, человек по этой части весьма опытный, прочел обещание.

И вот теперь, спустя два месяца после недоразумения, уже не раз и не два получив обещанное — супружеская шпага больше не сверкала — и намереваясь получать его и впредь, он стоял за кулисами Театра де ла Крус, а Москатель, с которым доводилось сталкиваться на этой дорожке, метал в него взоры, горящие ревливой яростью. Дело было в том, что красотка-комедиантка отнюдь не принадлежала к числу тех, кто на одном уголке похлебку греет: иными словами, она продолжала вытягивать денежки из дона Гонсало, позволяя ему кое-какие вольности, но далеко не пуская — каждая встреча на Пуэрта-де-Гвадалахара обходилась мясоторговцу довольно дорого, ибо Мария знала толк и в шелках-бархатах, и в колечках-камушках — и одновременно посредством Алатристе, чьи дарования и род деятельности дону Гонсало были известны,

¹ Перевод Н. Ванханен.

удерживая сего последнего на почтительном расстоянии. И Москатель, поощряемый Косаром — тот ведь был не только актер первой величины, но и плут первостатейный, а потому этого поклонника, как и всех прочих, приваживал, бессовестно залезая к нему в карман, — бежал, подобно ослику за пучком сена, питая, а вернее, вкушая надежды, ибо исключительно их вкупе с посулами, коими, впрочем, тоже сыт не будешь, подавала ему хитроумная комедиантка, но сохранял упорство и от вожденной цели не отказывался. Разумеется, капитан знал, что не он один пользуется милостями Марии: захаживали к ней и другие гости, и даже, говорят, граф Гуадальмедина и герцог де Сеа знакомы с нею были отнюдь не шапочно и ценили по достоинству ее сценическое мастерство и прочие дарования. Диего ли Алатристе — всего лишь отставному солдату, подавшемуся в *эспадачины*, — было соперничать с этими знатными и богатыми господами? Однако по причинам, ему неизвестным — женская душа непостижима, — Мария де Кастро бесплатно предоставляла ему то, в чем одним отказывала и за что с иных драла семь шкур. Ибо недаром же говорится:

Не всегда берется плата,
Хоть услуга — не пустяк.
То, что маврам стоит злата,
Христианам дам за так.

И Диего Алатристе отдернул занавеску. Он не был влюблен в эту женщину — как и ни в какую другую. Но Мария де Кастро была краше всех, кто в ту пору выходил на театральные подмости, а он время от времени получал привилегию обладать ею. И поцелуй, который в этот самый миг запечатлели на устах капитана, будет помниться до тех пор, пока свинец или сталь, недуг или старость не навеют на него вечный сон.

II ДОМ НА УЛИЦЕ ФРАНКОС

На следующее утро грянул скандал. Со второго этажа стали доноситься до нас его отголоски. Верней сказать, даже и не отголоски, а голос — зычный голос Каридад Непрухи: эта добрая женщина повела по капитану Алатристе сосредоточенный огонь и зарядов не жалела. Причиной же, сами понимаете, послужило пристрастие моего хозяина к театру, так что имя Марии де Кастро поминалось

беспреданно с добавлением определений, из коих «подстилка штопаная» и «сучка рваная» были наиболее мягкими и звучали особенно выразительно в устах Непрухи, ибо трактирщица, и сейчас еще, к сорока годам, не утратившая смуглой своей прелести, в вопросах нравственности собаку съела и сколько-то лет кряду сама промышляла продажной любовью, прежде чем на деньги, скопленные этим достойным занятием, не открыла таверну, расположенную, если помните, на углу улиц Толедо и Аркебузы. И хоть капитан, вернувшийся из Фландрии и Севильи, никаких обещаний, как и раньше, не давал, а уж предложений тем более не делал, он получил на втором этаже прежнее свое обиталище, не говоря уж о праве зимними ночами согреться в хозяйкиной постели. Что ж, ничего удивительного: всякий знал, что Каридад влюблена в Алатристе без памяти и в пору его отсутствия неукоснительно хранит ему верность, — никого на свете нет добродетельней отставной потаскухи, если, не дожидаясь, когда дурная болезнь уложит на койку в лазарете Пресвятой Девы Аточеской, успеет она свернуть со стези порока и обратить свои стопы и помыслы к Богу или домашнему хозяйству. Не в пример многим дамам, не изменяющим мужьям оттого лишь, что не с кем или удобного случая никак не представится, отставная проститутка знает, что почем и сколь многое обретает человек, кое от чего отрешившись. Одна беда — Каридад при безупречном поведении, любящем сердце, статном теле отличалась еще и необузданностью нрава, так что предполагаемые пашни моего хозяина с комедианткой приводили ее желчь в волнение.

Не ведаю, что говорил ей в тот раз капитан — да и говорил ли вообще. Зная своего хозяина, я уверен, что он, как подобает старому солдату, выдерживал натиск стойко и бестрепетно, сомкнув строй и уста в ожидании, когда противник выдохнется. Да и пора бы, черт возьми, ибо по сравнению с нынешней переделкой что Руйтерская мельница, что Терхейденский редут казались сущими безделками — даже турки не заслуживали слов, которые без запинки выговаривала Каридад. Когда же донесшийся до нас грохот и звон возвестили, что битва вступила в следующую свою фазу и в ход пошла посуда, капитан, прихватив шпагу, шляпу и плащ, очистил помещение, выйдя передохнуть. Я же, как всегда по утрам, сидел за столом у двери, где было посветлее, и листал латинскую грамматику дона Антонио Хиля, полезнейшую книгу, которую преподобный Перес, наш с капитаном давний друг, вручил мне в видах пополнения моего образования, находящегося после фла-

мандской кампании в состоянии плачевном. Хотя на семнадцатом году решение мое вступить в военную службу окрепло окончательно, капитан Алатристе и дон Франсиско де Кеведо без усталы внушали мне, что зачатки латыни и греческого, умение писать и изрядная толика хороших книг пробьют толковому человеку дорогу лучше всякой шпаги, тем более в Испании, где судьи, чиновники, стряпчие, всякого рода писари и прочие стервятники давят горами исписанной бумаги бедный наш безграмотный народ, с тем чтобы способней было обдирать его и потрошить в свое удовольствие. Так вот, покуда я прилежно переписывал *«miles, quem dux laudat, Hispanus est»*¹, служанка Дамиана мыла пол, а обычные в этот час посетители — лицензиат Кальсонес, только что вернувшийся с площади Провинсия, отставной сержант кавалерии Вигонь, потерявший под Ньюпортом левую руку, и аптекарь Фадрике Кривой — играли в ломбер, поставив на кон порцию свиных шкварок и здоровую бутылку вина. На соседней колокольне пробило четверть двенадцатого, и, когда наверху хлопнула дверь, а на лестнице послышались шаги капитана, партнеры переглянулись, укоризненно покачали головами и вернулись к игре: с бубен пошел Хуан Вигонь, тrefами ответил аптекарь, Кальсонес же выложил пикового туза. В этот миг я поднялся, захлопнул учебник, заткнул чернильницу, прихватил берет, кинжал и куртку и на цыпочках, чтобы не натоптать на свежевывытом полу, вышел вслед за своим хозяином на улицу Аркебузы.

Миновав фонтан, оказались мы на маленькой площади Антона Мартина и, словно подтверждая худшие подозрения Каридад Непрухи, сразу направились туда, где имели обыкновение собираться комедианты. Таких мест в стольном городе Мадриде имелось три: одно — на ступенях Сан-Фелипе, другое — подле королевского дворца, а то, о котором идет у нас речь, находилось в квартале, облюбованном литераторами и актерами, на замощенном пяточке, где сходятся улицы Леон, Кантарранас и Франкос. Здесь помещались вполне пристойная гостиница, булочная и кондитерская, тричетыре славных таверны, и каждое утро стекался сюда народ, имеющий отношение к театру, — авторы, поэты, антрепренеры, актеры — и, разумеется, неизбежные зеваки, мечтающие увидеть, как их любимцы и кумиры обоего пола выходят с корзиной на руке за покупками или угощаются в кондитерской, отстояв мессу в соборе Святого Себастьяна и опустив в церковную кружку посильную

¹ Воин, которого хвалит вождь, — испанец (лат.).

СОДЕРЖАНИЕ

Кавалер в желтом колете	5
Корсары Леванта	209
Мост Убийц	425

Перес-Реверте А.

П 27 По острию клинка : романы / Артуро Перес-Реверте ; пер. с англ. А. Богдановского. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 640 с. — (Мир приключений).

ISBN 978-5-389-20052-4

По страницам популярного цикла исторических романов Переса-Реверте шагает со шпагой в руке бесстрашный воин армии испанского короля, а в свободное от сражений время дуэлянт, авантюрист, благородный разбойник и наемный убийца, человек чести Диего Алатристе, которого за его невероятную храбрость называют капитаном.

В романах, продолжающих цикл, он все так же ходит по острию клинка и попадает в опасные ситуации, из которых человек обычный вряд ли выйдет живым, — встает на пути злодея, задумавшего преступление века, едва не делается жертвой любви к великой актрисе, бороздит просторы Средиземного моря, сражаясь с турками и пиратами, а в Венеции должен совершить непростую миссию в привычной для себя роли наемного убийцы.

Автор прославленных интеллектуальных детективов «Фламандская доска», «Клуб Дюма», «Кожа для барабана» в цикле о капитане Алатристе смело ведет игру на поле, где оставили яркий след такие знаменитые мастера авантюрно-исторических романов, как Александр Дюма, Рафаэль Сабатини, Эмилио Сальгари, и нисколько не уступает им.

УДК 821.134.2

ББК 84(4Исп)-44

Литературно-художественное издание

АРТУРО ПЕРЕС-РЕВЕРТЕ
ПО ОСТРИЮ КЛИНКА

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Валентина Гончар, Валерий Камендо
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 20.08.2021. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 40. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru
В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru
В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

И-MPR-28836-01-R